Цинь Мянь взял с тумбы кошачий консерв, потянул за кольцо, открывая банку, и вывалил содержимое в миску.

Соуса внутри почти не было, измельченное мясо спрессовалось так плотно, что торчало в миске единым бруском, похожим на кусок тофу.

Цинь Мянь собирался плеснуть туда немного теплой воды, но не успел сделать и движения, как из спальни внезапно донесся звонок мобильного телефона.

Бросив взгляд на приоткрытую дверь спальни, он поднялся, налил под кулером полстакана теплой воды, присел на корточки и плеснул в кошачью миску.

Поставив пустой стакан обратно на стол, он вошел в спальню — на экране телефона высветился незнакомый номер.

Мелодия звонка доиграла до автоматического сброса, и через две-три секунды телефон зазвонил снова.

Цинь Мянь ответил на вызов:

— Алло.

— Босс Цинь, приветствую, — необычайно воодушевленно заговорил тот, кто был на другом конце провода. — Помнишь меня? Ты оставил мне свой номер… Я Угорь, держу винокурню.

Цинь Мянь, держа телефон в руке, вышел из спальни.

Хуахуа уже подбежала к миске и принялась за еду; кошачья пасть открывалась, как ковш самосвала, загребавший огромными кусками.

Цинь Мянь опустил взгляд — консерв в миске даже не рассыпался, все так же упрямо торчал в чашке, придется искать ложку, чтобы его разворошить.

В трубке Угорь продолжил:

— Есть одно дело к тебе, скажи, тебе сейчас удобно?

— Удобно, слушаю, — ответил Цинь Мянь.

Говоря это, он распахнул шкафчик и отыскал столовую ложку.

Угорь:

— В общем, твой знакомый, Хэ Линьнань, попросил нас отыскать одного человека и даже прислал рисунок.

Цинь Мянь замер с ложкой в руке:

— Что за человек?

— Тот еще беглец, — произнес Угорь. — Столько хлопот, если не отобьем расходы, нам и браться не стоит.

Цинь Мянь:

— Сколько ты хочешь?

Угорь:

— Шестизначную… Шестизначной суммы будет в самый раз.

Цинь Мянь:

— Хорошо.

— Ой, ну что ты, прямо неудобно, — хихикнул Угорь.

— Скинь мне номер карты, я сначала переведу тебе половину. — Помолчав, Цинь Мянь спросил: — Чем этот человек занимается?

— Его зовут Ли Фули, он заядлый игроман. Проиграл все деньги, говорят, связался с местной Организацией «Дикий слон». Я как-то видел, как он спускался с гор составом с вином.

Цинь Мянь:

— Ты же только что говорил, что этого человека трудно отыскать?

Угорь замолк на секунду, а затем снова издал заискивающий смешок:

— И правда трудно! То, что я его видел — дело прошлогоднее, ну или около того. Но ты не

переживай, босс Цинь, я всех своих братцев отправлю на поиски. На сей раз все остальные дела приостановим, будем искать только для тебя… то есть для твоего друга.

— Благодарю за труды. — Цинь Мянь сбросил вызов.

Он присел на корточки, собираясь закончить то, что не успел сделать пару мгновений назад. Ложка уже тянулась к кошачьей миске, как вдруг Хуахуа в один мах сбила ее лапой на пол — металлическая ложка звонко загремела по кафелю.

Цинь Мянь подумал, что Хуахуа просто защищает свою еду, но очень скоро понял, что дело нечисто.

Кошка полуприсела, обе лапы лихорадочно скребли что-то возле самой пасти, шея вытянулась и задергалась из стороны в сторону, а глаза вдруг дико расширились, из горла вырвалось хриплое удушливое сипение.

В этот момент ее единственный глаз выглядел едва ли не жутко.

— Хуахуа?

Цинь Мянь протянул руку к ее голове, желая успокоить, но Хуахуа словно не замечала его. Почти потеряв равновесие, она отбросила миску ударом лапы и, шатаясь из стороны в сторону, бросилась вперед.

Хэ Линьнань за всю ночь не поспал и двух часов. Едва закончив утренние умывания и спустившись вниз, он увидел, как кошка Цинь Мяня валяется на спине и бьется в судорогах.

Бросив взгляд на кошачий консерв, которого осталась едва ли треть, он мгновенно восстановил картину происходящего. Он вырос в деревне и видел и то, как кошки давились крупными крысами, и то, как они травились крысиным ядом.

Учитывая, что это была кошка Цинь Мяня, отравить ее никто бы не осмелился, а значит, с наибольшей вероятностью произошло первое.

Не говоря ни слова, Хэ Линьнань подбежал к кошке, подхватил ее обеими руками под мышки, прижал к груди и, резко подталкивая вверх, принялся ритмично сжимать кошачью грудную клетку.

Прием он использовал тот, которым спасали подавившихся детей, понятия не имея, сработает ли это с кошкой.

Прошло полминуты, и уверенности в его душе оставалось все меньше. Белая кошка вдруг

отчаянно забилась, развернулась и полоснула его по руке. Он разжал руки, а кошка, сгорбившись и припав к полу, вытянула шею, дернулась и исторгла из себя целую лужу непереваренных кошачьих консервов.

Хэ Линьнань облегченно выдохнул и только после этого перевел внимание на стоящего рядом Цинь Мяня.

Цинь Мянь, судя по всему, только что вернулся с пробежки. Погода теплела, испарина еще не сошла с его кожи, смешиваясь с запахом чистого хлопка. На таком расстоянии Хэ Линьнань прежде всего ощутил это тепло.

Его взгляд невольно упал на шею Цинь Мяня, где на выступающем кадыке блестел слой выступившего пота.

— Спасибо, — Цинь Мянь приподнял руку, закрывая лицо, и произнес это глухим голосом.

Спустя мгновение рука опустилась, Цинь Мянь посмотрел на него и повторил:

— Спасибо.

Вскоре после тренировки, под воздействием расширенных сосудов, кожа вокруг глаз Цинь Мяня слегка покраснела.

Хэ Линьнань отвел взгляд, уставившись на ту самую глупую кошку, чуть не подавившуюся насмерть. Кошка в ответ уставилась на него своим круглым единственным глазом; ни капли благодарности спасителю она не испытывала, лишь шевелила усами и скалила зубы.

Что за тварь, точь-в-точь как ее хозяин.

Продемонстрировав угрозу, кошка повернулась и снова тихонько поползла в сторону Хэ Линьнаня. Но стоило ему взглянуть на нее, как она замирала на месте, словно играя с ним в море волнуется раз.

— Она же белая кошка, почему ты назвал ее Хуахуа? — спросил Хэ Линьнань.

Вопрос повис в воздухе, словно мяч, который он бросил на землю в ожидании отскока, но мяч оказался с дырой и остался лежать неподвижно.

Поскольку Цинь Мянь ничего не ответил, Хэ Линьнань по рефлексу продолжил размышлять дальше, но не успел додумать, как до него дошло: Цицигэ на языке вайгу означает цветок.

Хуахуа.

Стало как-то не по себе, и Хэ Линьнань захотел взять назад вчерашнюю шпильку про то, почему Цинь Мянь не купил Цицигэ белого пони.

— Иди сделай прививку, — произнес Цинь Мянь.

— А? — озадаченный Хэ Линьнань проследил за взглядом Цинь Мяня и заметил царапину на внешней стороне своего предплечья.

Хэ Линьнань глянул на поврежденную кожу:

— Да она же домашняя, зачем.

На нем была рубашка с длинным рукавом. Когда он смотрел на внешнюю сторону руки, закатанный манжет распустился и уже собирался прикрыть царапину, но Цинь Мянь накрыл ее своей рукой. Он засунул рукав Хэ Линьнаня обратно, и сквозь тонкую ткань передалось тепло вместе с ощущением прикосновения — складывая и подворачивая залом за заломом, он аккуратно задрал его до самого локтя.

У него получилось гораздо аккуратнее, чем у самого Хэ Линьнаня, который задрал рукав наспех.

— Утром и сходим, сестра Синьсинь составит тебе компанию, — закончив, Цинь Мянь отпустил его руку.

Стоило давлению на его руке исчезнуть, как Хэ Линьнань почти рефлекторно перехватил запястье Цинь Мяня. Схватил за первое попавшееся место, и это оказалось как раз запястье.

Ощущения напоминали предобморочное состояние от вида крови, но без столь сильного головокружения: пальцы онемели, в них не было сил сжать Цинь Мяня крепче, однако и Цинь Мянь не спешил вырывать руку.

Хэ Линьнань чувствовал и кожу Цинь Мяня, и очертания костей под ней. В этот момент в груди словно что-то взорвалось, и он понял, на какую подлость сейчас готов пойти.

Нахальничать.

Хочется нахальничать, хочется нахальничать, хочется нахальничать.

Самое главное, что Цинь Мянь позволил ему держать себя и не стал отдергивать руку.

Хэ Линьнань отчетливо чувствовал, что в зажатом им запястье не было ни малейшего усилия вырваться. Это осознание заставляло его сердце бешено колотиться, готовое разломать ребра.

— Брат Мянь! Я купил завтрак!

Характерный голос Кэла вихрем ворвался в уши, и Хэ Линьнань мгновенно отдернул руку, вскочил на ноги и быстро отступил на два шага назад.

Ни Синьсинь ответила Хэ Линьнаня в больницу.

Эта женщина до того, как стать диетологом, была врачом и прекрасно знала всю процедуру, так что она провела его на укол без единого лишнего шага — это была первая вакцина.

От бешенства требовалось поставить три укола.

Ах, как же надоедало.

Хэ Линьнань ненавидел носить в душе незавершенные дела — одно лишь воспоминание о них рождало ощущение незатухающей тревоги.

Во второй половине дня он, как обычно, отправился в клуб снимать практические спарринги бойцов.

Тренер подошел к компьютеру, глядя на отснятые Хэ Линьнанем фрагменты схватки, хлопнул его по спине и восхищенно произнес:

— Какая проводка камеры! Ты что, снимал боевики?

Хэ Линьнань вспомнил, как в пору полного отчаяния чуть было не согласился сниматься в фильмах для взрослых, и криво улыбнулся:

— Вы преувеличиваете, я вовсе не так хорош.

Еще с десяти лет он подбирал туристов на пляже города Бяньюэ — подобрать туристов было местным выражением. В те годы город Бяньюэ являлся приграничным населенным пунктом, жившим почти исключительно за счет туризма.

В те же десять лет у Хэ Линьнаня появился его первый фотоаппарат, поддержанный полароид. Он носил его по пляжу, фотографируя туристов, которые платили столько, сколько хотели, а если оставались недовольны, могли вообще не платить.

Глухие удары лап по грушам, доносившиеся из компьютера, сжимали сердце Хэ Линьнаня.

— Какого черта ты поворачиваешь бедра при ударе?

— Кулак должен вращаться, какой толк бить по прямой, будто палкой?

— У тебя даже дыхание сбилось! Смотри на отца, выдыхай в момент удара!

— А-нань, подожди, пока отец сорвет куш покрупнее, и тогда наберется на операцию Сяоманя…

Хэ Линьнань опустил взгляд, в его голове будто включили телевизор на максимальную громкость: навязанные звуки звенели в ушах и отдавали в затылок. Он уже не расслышал, что тренер говорил дальше, решив, что тот все еще расхваливает его операторские навыки, поэтому просто брякнул что-то дежурно-скромное, сослался на нужду и, подхватив рюкзак, быстрым шагом направился в комнату отдыха.

Тренер ошарашенно уставился вслед удаляющемуся Хэ Линьнаню.

Мимо проходил Цинь Мянь. Заметив у тренера выражение лица человека, от которого ждали ответного участия, он остановился и спросил:

— Что такое?

Тренер перевел взгляд на Цинь Мяня:

— Я сказал Хэ, что вчерашнюю пиццу приготовил сам, и спросил, каково мое мастерство. А он с улыбкой ответил мне: ни черта не умеет, остальные хвалят из вежливости, и мне не стоит принимать это всерьез.

Цинь Мянь:

— …

— Пицца была очень вкусной, — сказал Цинь Мянь.

Тренер с видом человека, который не понимает, верить ему или нет, покачал головой и добавил:

— У Хэ был ужасный вид, прямо как при пищевом отравлении. У него случаем нет аллергии на какую-нибудь еду?

Цинь Мянь:

— Где он?

В комнате отдыха.

Без лекарств столько времени действительно не выдержать: дело не только в бессоннице, слуховые галлюцинации тоже не собирались прекращаться по его воле.

Хэ Линьнань опустился на колени перед собственным рюкзаком, расстегнул молнию и нащупал таблетки, спрятанные в подкладке.

http://bllate.org/book/34412/4242630